

Российское право: состояние, перспективы, комментарии

Научная статья

УДК 343.241

DOI:10.17323/2072-8166.2022.3.4.27

Конституционные основы понимания уголовного наказания в системе мер противодействия преступлениям

Ольга Сергеевна Гузеева

Арбитражный суд Московской области, Россия 107078, Москва, ул. Академика Сахарова, 18, Olga3520@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6810-395X>

Аннотация

Ограничение прав и свобод человека в целях предупреждения совершения преступлений является одним из важных и сложных направлений правовой политики государства. Здесь пересекаются, с одной стороны, конституционно значимые требования относительно оснований ограничения прав человека, с другой — криминологические постулаты о желательности раннего предупреждения преступлений на предкриминальной стадии, конституционные представления о жестких пределах ограничения прав человека и криминологические свидетельства необходимости контроля за поведением лица на посткриминальной стадии, стандарты ограничения прав лица, совершившего преступление, только рамками уголовного права и потребность в возложении на него иных правовых санкций за пределами уголовного права. Эти противоречия создают целостный комплекс проблем правового регулирования, включающий рассуждения о видах, целях, основаниях правоограничений и их конституционной допустимости. На основе анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации и нормативных правовых актов в статье даны рассуждения о системе правоограничительных мер противодействия преступлениям. В такую систему включены меры, применяемые на предкриминальной стадии, меры процессуального обеспечения, меры уголовного наказания, меры уголовно-правового характера, меры, применяемые на посткриминальной стадии, неуголовно-правовые последствия совершения преступлений. Применительно к каждой группе мер определены правовые позиции Конституционного Суда, соблюдение которых позволяет, с одной стороны, согласовать эти меры в едином комплексе правоограничений, с другой, предельно четко их противопоставить друг другу

с целью избежать нарушения отраслевой правовой природы и нарушения принципа справедливости. Особенное внимание уделено специфическим признакам уголовного наказания в общем ряду правоограничений. Доказано, что таковые связаны с основанием, сущностью и целью наказания. Отличительной сущностной характеристикой наказания признается наличие в нем выраженного морального упрека со стороны общества в адрес преступника. Только наказание, назначенное именно за совершение преступления, выражает такой согласованный упрек и в силу этого ориентировано на исправление преступника.

Ключевые слова

конституционализация уголовного права, ограничение прав и свобод человека, меры уголовно-правового характера, уголовное наказание, правовые последствия совершения преступления, меры предупреждения преступлений.

Для цитирования: Гузеева О.С. Конституционные основы понимания уголовного наказания в системе мер противодействия преступлениям // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 3. С. 4–27. DOI:10.17323/2072-8166.2022.3.4.27.

Russian Law: conditions, perspectives, commentaries

Research article

Constitutional Foundations for Understanding Criminal Punishment in the System of Measures to Counteract Crimes

Olga S. Guzeeva

Arbitration Court of the Moscow Region, 18 Akademika Sakharova Str., Moscow 107078, Russia, Olga3520@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6810-395X>

Abstract

Restricting human rights and freedoms in order to prevent the commission of crimes is one of the most important and difficult directions of the state's legal policy. Here intersect, on the one hand, constitutionally significant requirements regarding the grounds for limiting human rights and on the other hand, criminological postulates about the desirability of early crime prevention at the pre-criminal stage; constitutional ideas about the strict limits of human rights restrictions and criminological evidence of the need to control the behavior of a person at the post-criminal stage; standards of limiting the rights of a person who committed a crime, only within the framework of criminal law and the need to impose other legal sanctions on him outside of criminal law. These contradictions create an integral complex of problems of legal regulation, including discussions about the types, purposes, grounds of legal restrictions and their constitutional admissibility. Based on the analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the provisions of normative legal acts, the article presents the author's reasoning about the system of law-restrictive measures to counter crimes. Such a system includes: measures applied at the pre-criminal stage,

procedural measures, measures of criminal punishment, measures of a criminal-legal nature, measures applied at the post-criminal stage, non-criminal consequences of committing crimes. With regard to each group of measures, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are determined, the observance of which allows, on the one hand, to coordinate all these measures in a single set of legal restrictions, and on the other hand, to very clearly oppose them to each other in order to avoid violation of the sectoral legal nature and violation of the principle justice. Special attention is paid to the specific features of criminal punishment in the general range of legal restrictions. It has been proven that these are associated with the basis, essence and purpose of punishment. Only the punishment is the appointment precisely for the commission of a crime, expresses a moral reproach to the personality of the offender and is focused on its correction. A distinctive essential characteristic of punishment is the presence in it of a pronounced moral reproach on the part of society against the offender. Only punishment imposed specifically for the commission of a crime expresses such a concerted reproach and, therefore, is oriented towards the correction of the offender.

Keywords

constitutionalization of criminal law; restriction of human rights and freedoms; measures of a criminal law; criminal penalty; legal consequences of committing a crime; crime prevention measures.

For citation: Guzeeva O.S. (2022) Constitutional Foundations for Understanding Criminal Punishment in System of Measures to Counteract Crimes. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 3, pp. 4–27 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2022.3.4.27.

Введение

Анализ института уголовного наказания с точки зрения конституционных стандартов регулирования уголовно-правовых отношений (насколько позволяет судить анализ отечественной библиографии по уголовному праву) не входит в число приоритетных и актуальных тем научных сочинений. Между тем должно быть очевидным, что поскольку уголовное право в одной из популярных его интерпретаций есть прежде всего право наказания, постольку этот вопрос требует отдельного и самого пристального внимания. В теоретическом отношении он условно, но отчетливо распадается на две составляющие: во-первых, это конституционные основы собственно права государства на наказание, во-вторых, это основы уголовного наказания как отраслевого института. Если первый аспект темы (пусть и без использования концепта «конституционализация») традиционно составлял важнейший элемент предмета исследования едва ли не всех дореволюционных авторов и вызывает оправданный интерес современных специалистов [Гурин Д.В., 2014, 2015]; то конституционализация собственно института наказания остается «белым пятном». Обсуждение этого вопроса в доктрине ограничивается, как правило, важными, но частными аспектами конституционных

основ смертной казни и отдельными рассуждениями общего характера [Жалинский А.Э., 2011: 612–625]; [Антипов С.А., 2012: 91–127]. Настало время концептуализировать проблему конституционных основ института уголовного наказания, рассматривая ее в качестве необходимого элемента решения общей задачи конституционализации отрасли уголовного права.

В этих целях требуется прежде всего определить специфику уголовного наказания и его место в общем ряду мер, принимаемых государством в связи с реализацией его функций охраны конституционных ценностей и правопорядка. Этот вопрос нуждается в комплексном и последовательном анализе, учитывая, что таковые меры предпринимаются до, во время, вместо и вместе с наказанием и с содержательной точки зрения весьма близки этому институту.

1. Уголовное наказание и превентивные меры индивидуального характера, применяемые на предкриминальной стадии

Еще Н.С. Таганцев указывал, что наказание надо отличать от принудительных мер, принимаемых органами государственной власти в интересах предупреждения или пресечения правонарушений, и мер надзора за отдельными лицами или группами лиц, по своим занятиям, образу жизни, прежней деятельности и т.п., опасных общественному или государственному порядку и спокойствию [Таганцев Н.С., 1902: 825]. Основной разграничительный фактор состоит в том, что наказание есть следствие совершенного преступления, оно всегда применяется после преступления, а не до момента его совершения. На первый взгляд это самоочевидный факт. Однако в современных условиях данный признак приобретает крайне важное значение в связи с развитием системы мер правового предупреждения преступлений и становлением так называемого «превентивного уголовного права». Речь идет о системе мер правового воздействия, включая правоограничительные меры, в отношении лиц, которые еще не совершили предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния.

На примере анализа законодательства США и Великобритании А.Л. Гуринская к таким мерам относит, например, контрольные приказы и заключение под стражу без предъявления обвинения, включение лиц в списки тех, кто не допускается на борт воздушного судна, замораживание банковских активов, запрет на поездки, судебные приказы в отношении лиц, демонстрирующих антиобщественное поведение или совершивших акты домашнего насилия и др. [Гуринская А.Л., 2018: 217].

В рамках отечественной правовой системы также можно найти аналоги подобных мер. Так, Закон «Об основах системы профилактики правонару-

шений в Российской Федерации»¹ содержит указание на возможность полиции вынести официальное предостережение в отношении лица, демонстрирующего антиобщественное поведение, с последующей возможной ответственностью за неисполнение этого предостережения. В проекте Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»² предусматривается применение в отношении лиц, совершающих акты семейно-бытового насилия, таких мер, как запрет вступать в контакты, общаться с лицом, подвергшимся семейно-бытовому насилию, возложение обязанности покинуть место совместного проживания с лицом, подвергшимся семейно-бытовому насилию. При этом семейно-бытовое насилие понимается как умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаков административного правонарушения или уголовного преступления.

Такие и некоторые иные аналогичные меры по своим объективным признакам весьма схожи с уголовным наказанием. Данное обстоятельство признал и Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ), рассматривая вопрос о конституционности некоторых положений Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³. Обсуждая природу такой профилактической меры как помещение несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, в центры временного содержания, КС РФ констатировал: «Понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение... Особенности режима пребывания в центре позволяют рассматривать нахождение там как лишение свободы в конституционно-правовом смысле. Следовательно, будучи нацеленным на защиту жизни и здоровья несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, на профилактику противоправного поведения, помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел должно быть правомерным именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принципиально важных для нормативного регулирования

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

² Available at: URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 17.05.2020)

³ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

допустимого лишения свободы»⁴. Соответственно, отсутствие общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, непричастность к нему несовершеннолетнего исключают саму предпосылку помещения в центр по данному основанию, а значит, установление факта совершения такого деяния является необходимым условием принятия соответствующего решения, как и установление угроз жизни или здоровью несовершеннолетнего либо рисков совершения им повторного общественно опасного деяния, при том что эти риски и угрозы могут быть предотвращены путем его помещения в центр. Вместе с тем даже если указанные обстоятельства подтверждены, соразмерность и необходимость данной меры в отношении лица подлежат оценке в предусмотренной законом процедуре надлежащим судом, исследующим фактическую сторону дела, с предоставлением процессуальных гарантий защиты права на свободу и личную неприкосновенность, пропорциональных характеру ограничений.

Анализ приведенной правовой позиции позволяет выявить несколько важных суждений. Они напрямую относятся к такой превентивной мере, как помещение несовершеннолетних в центр временного содержания, но, по нашему убеждению, могут и должны иметь всеобщий характер, предопределяя понимание всех иных превентивных правоограничений. В частности:

правоограничительные меры, направленные на предупреждение совершения преступлений, являются в принципе конституционно допустимыми в мере, в какой они соответствуют конституционным основаниям ограничения прав и свобод граждан, предписанным в ч. 3 ст. 55 Конституции;

превентивные меры могут применяться только когда наличествует совокупность двух обязательных и взаимосвязанных условий: во-первых, должен быть подтвержден факт, который свидетельствует о правонарушающем и (или) опасном поведении лица. Во-вторых (и это особенно важно), должны иметься подтвержденные свидетельства того, что лицо, допустившее такое поведение, обладает повышенными рисками повторения соответствующих поведенческих актов. Такая совокупность является гарантией, с одной стороны, от применения правоограничений только на основании одних лишь предположений о вероятной опасности лиц, которые ни в чем предсудительном не были замечены, а, с другой стороны, от применения правоограничений в отношении лиц, которые в будущем не опасны для конституционно значимых ценностей;

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2019 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.». Available at: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 01.02.2021)

превентивные меры по характеру содержащихся в них правоограничений могут ассоциироваться или быть тождественными некоторым традиционным уголовным наказаниям (например, ограничивать или лишать лицо физической свободы, свободы распоряжения имуществом и т.д.). Необходимо, во-первых, дифференцированный анализ соответствия ограничиваемого права и охраняемого блага, во-вторых, объема содержания ограничений и цели, которую преследует государство, в-третьих, соразмерности объема ограничений имеющимся угрозам. Решение всех этих вопросов должно быть индивидуализированным на основании общих правовых норм;

превентивные меры, как и любое правоограничение, должны назначаться в состязательной судебной процедуре с гарантиями прав лиц, в отношении которых они применяются, либо в любом случае применение таких мер должно быть поставлено под контроль независимого суда, например, через институт обжалования решений об их применении.

Превентивные меры (которые в литературе часто именуют «преднаказанием») ввиду того, что они являют собой ограничение прав человека, не совершившего правонарушения, но обладающего повышенным риском его совершить, составляют важную часть современного правового пространства [Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., 2021: 275–288]. В силу логики риска и безопасности эти меры не только не могут быть элиминированы, но напротив, будут иметь тенденцию к росту в части оснований и объемов применения. Поскольку содержательно они близки традиционному уголовному наказанию, то вопрос о разграничении этих двух правовых феноменов приобретает важное теоретическое и прикладное значение.

Предпосылки к его решению в определенной мере содержатся непосредственно в отечественной Конституции, в ее статьях, оперирующих терминами «виновный», «осужденный», «приговор» (ст. 32, 49, 50). Они указывают, прежде всего, на формальный критерий разграничения наказаний и «преднаказаний», который состоит в том, что наказания применяются только на основании приговора суда к лицам, которые признаны виновными в совершении преступления, т.е. являются правовым следствием преступления и осуждения за него. В совокупности с предписаниями уголовного закона и положениями уголовно-правовой теории они позволяют выявить и содержательную специфику наказания, обоснованно предположить, что наказание есть прежде всего отражение и следствие официальной, государственной оценки виновности лица, его осуждения. Наказание есть следствие вины. Мера виновности определяет меру осуждения и, как следствие, меру наказания. В этом отношении наказание не только следует за преступлением, но детерминируется им сущностно, содержательно и формально. Как преступление отвергает правопорядок, так и наказание означает восстановление и торжество правопорядка; как преступление свидетельствует о нару-

шении конституционно значимых ценностей, так и наказание подтверждает их незыблемость и недопустимость нарушения.

2. Уголовное наказание и процессуальные меры обеспечительного характера

Обсуждая вопросы о специфике наказания, Н.С. Таганцев обращал внимание, что его следует отличать от принудительных мер, принимаемых «для устранения различного рода затруднений, причиняемых правильному осуществлению предначертанной законом деятельности» органов следствия и суда [Таганцев Н.С., 1902: 825]. Действующее законодательство содержит указания на возможность применения к обвиняемым и осужденным самых разных правоограничений, не связанных с наказанием, в частности, мер пресечения и процессуального принуждения (главы 12, 13, 14 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ), меры, направленные на обеспечение исполнения приговора (например, запрет на выезд осужденного за границу). Такие меры, как и наказание, следуют после совершения преступления, во многом обуславливаются опасностью совершенного деяния (хотя и не только ею), а также процессуальными рисками и рисками для стабильности правосудия. По своему содержанию они также являют собой ограничения прав и свобод лица, что неоднократно подчеркивал КС РФ.

Так, обсуждая вопросы конституционности меры пресечения в виде заключения под стражу, данный Суд указывал, что она по своему конституционно-правовому смыслу тождественна лишению свободы, а потому должна отвечать критериям правомерности, производным от предписаний ст. 22 Конституции и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950)⁵. Более того, Суд констатировал, что избрание в качестве меры пресечения заключение под стражу ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность независимо от того, исполнено или не исполнено соответствующее постановление⁶.

Тем самым фактически признано, что мера пресечения в виде заключения под стражу в своем конституционно-правовом измерении не отличается от наказания виде лишения свободы, в связи с чем КС РФ обратил особое внимание на процессуальные гарантии права на свободу, включая судебную процедуру рассмотрения дела, юридическую помощь обвиняемому, сораз-

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220¹ и 220² Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна».

мерность и обоснованность применяемой меры, ее строго индивидуализированный характер и т.д. Единственное отличие, которое усматривается в данном случае, — это цель применения меры пресечения, обусловленный ею порядок отбывания правоограничений и форма принятия решения, не предполагающая, разумеется, осуждения лица.

Гораздо более сложным в конституционном отношении стал вопрос о такой обеспечительной мере, как запрет для осужденных на выезд за пределы государства. Исследуя вопрос о конституционности такого запрета, установленного в ст. 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»⁷, КС РФ указал, что такой запрет не направлен на установление каких-либо санкций, носящих дополнительный по отношению к уголовному наказанию характер. Его целью выступает предотвращение возможности неисполнения приговоров и уклонения от уголовной ответственности лиц, виновность которых установлена судом⁸.

Суд, таким образом, признал, что данная обеспечительная мера ограничивает право осужденных на свободу перемещения (причем вне зависимости от того, к какому виду наказания был приговорен осужденный), однако отказался рассматривать соответствующее правоограничение в качестве дополнительной санкции уголовно-правового характера. КС РФ подошел к анализу запрета на выезд за пределы государства с точки зрения правомерности общих правовых запретов, но в этом встретил критику Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

В специальном постановлении по этому вопросу⁹, констатировавшем нарушение Россией положений ст. 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции 1950 года, ЕСПЧ согласился, что данная мера преследует законные цели поддержания общественного порядка и предупреждения преступности. Вместе с тем он подчеркнул, что запрет на выезд за границу может быть оправдан лишь только при четких признаках подлинного общественного интереса, который перевешивает право индивида на свободу передвижения. В силу этого подобный запрет должен аргументироваться индивидуальными обстоятельствами каждого дела. Если запрет на поездки является следствием статуса лица как осужденного и еще не реабилитированного правонарушителя, то общее и почти автоматическое ограничение не может считаться необходимым.

⁷ Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2009 № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова».

⁹ Постановление ЕСПЧ от 20.09.2016. Дело «Власов [Vlasov] и Беньяш [Benyash] против Российской Федерации» (жалобы № 51279/09 и 32098/13).

Как видим, ЕСПЧ провел более тонкий анализ, следуя тому, что меры, связанные с обеспечением исполнимости индивидуализированного приговора, также должны быть строго индивидуализированы и подконтрольны суду, и не могут носить общего, недифференцированного характера. Детальное обсуждение вопроса о конституционности рассматриваемой обеспечительной меры, разумеется, выходит далеко за пределы предмета нашего анализа. Ограничимся общим указанием на то, что продемонстрированный ЕСПЧ подход, по нашему мнению, является в большей степени обоснованным, поскольку не допускает применения общих запретов в целях обеспечения индивидуального судебного решения.

Единственный нюанс, по которому невозможно согласиться с ЕСПЧ, состоит в том, что он пытается связать применение обеспечительных мер с целями уголовного наказания. Критикуя позицию властей России, ЕСПЧ указал, что власти «не дали никаких объяснений, почему они считают, что запрет на поездки способствует реабилитации заявителей» и что «предполагаемый риск повторного правонарушения... не упоминался в судебных решениях». Однако реабилитация и превенция повторных нарушений по определению не могут входить в число целей обеспечительных мер. КС РФ абсолютно правильно подчеркнул, что единственная цель запрета на выезд — обеспечение исполнения судебного приговора — это неотъемлемая черта правового государства и элемент «права на суд». Этого в принципе достаточно для обоснования рассматриваемого правоограничения, обоснованность и соразмерность которого не должны проверяться на предмет ответственности не свойственных этому правоограничению целей.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно констатировать, что меры, связанные с обеспечением возможности расследовать уголовное дело и исполнить вынесенный судом приговор, будучи конституционно оправданными, тем не менее объективно являют собой ограничение прав и свобод человека. В этом отношении они содержательно близки уголовному наказанию, от которого, однако, существенным образом отличаются по форме возложения и, самое главное, по целям применения. Они не выражают собой осуждения, кары, не определяют содержанием и степенью виновности лица, не направлены на решение задач восстановления справедливости, поддержания нарушенных преступлением конституционных ценностей, исправления и реабилитации лица, совершившего преступление.

3. Уголовное наказание и компенсаторные меры

Специфика целей применения уголовного наказания позволяет обособить его и от таких мер правового воздействия, которые предусматриваются законом для возмещения причиненного преступлением вреда. Важность

этого момента признается ЕСПЧ, который в одном из своих решений установил, что цель наказания за преступления должна быть сдерживающей и карательной, а не компенсаторной, и это является «обычной отличительной чертой уголовного наказания»¹⁰.

Компенсаторные меры имеют прочную конституционно-правовую основу в виде положений ст. 52 Конституции России, согласно которой «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». При этом в случае совершения преступления, которое причинило вред, меры компенсации могут быть реализованы в различных формах и правовых режимах.

Во-первых, компенсация может быть определена в силу положений главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в рамках реализации обязательств, вытекающих вследствие причинения вреда, в том числе в результате совершения преступления. КС РФ сформулировал принципиально важную позицию по этому поводу. В одном из его решений указано, что между причинителем вреда и потерпевшим возникают гражданские правоотношения, а, следовательно, не исключается возможности привлечения физических лиц помимо административной или уголовной и к деликтной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством, в той мере, в какой совершение соответствующих правонарушений сопровождается причинением вреда. Обязанность возместить причиненный вред как мера гражданско-правовой ответственности применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением и наступлением вреда, а также вину причинителя вреда. Тем самым предполагается, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения; иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности¹¹.

¹⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека по от 23.07.2002. Дело «Яносевиц против Швеции [Janosevic — Sweden] (жалоба № 34619/97); § 68.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2007 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

Эти тезисы имеют общее значение и подчеркивают, что компенсаторные меры, налагаемые в гражданско-правовом порядке, не только в своей целевой установке не соприкасаются с уголовным наказанием, но и имеют особое правовое основание применения, а именно — они вытекают из деликтных обязательств.

Во-вторых, компенсаторные механизмы могут предписываться непосредственно в нормах уголовного законодательства, при этом здесь они могут выступать в двух вариациях: как предварительное условие, наличие которого (в совокупности с иными предусмотренными законом основаниями) дает возможность государству освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности, отказаться от реализации принадлежащего ему права наказания (например, в ст. 75, 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ); как содержание меры правового воздействия, которая применяется к лицу, совершившему преступление, на основании судебного решения взамен уголовной ответственности или уголовного наказания (например, в ст. 90, 92 УК РФ).

Принципиально важно, что в обеих ситуациях компенсация сама по себе не преследует целей уголовного наказания. Таковые поставлены законом перед институтами освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания. Данное обстоятельство многократно подтверждено КС РФ¹². Соответственно, здесь не происходит подмены публично-правовой уголовной ответственности мерами компенсаторного характера. Публичные цели уголовно-правового регулирования достигаются фактом привлечения лица к ответственности и освобождения от нее по нереабилитирующим основаниям либо освобождения от наказания в рамках реализации уголовной ответственности. Таким образом, цели наказания и цели компенсаторных мер оказываются четко разведенными, как и сами эти меры.

Сказанное не означает вовсе, что существуют конституционно-правовые препятствия на пути конструирования в уголовном законе собственно наказаний компенсаторного характера. Как известно, УК РСФСР 1960 г. в ст. 32 в качестве такового предусматривал возложение обязанности загладить причиненный вред; ранее действовавший УК Киргизии допускал применение к виновному лицу такого вида наказания, как «тройной айып» (ст. 45, 78)¹³.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2513-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габдрахманова Рамиля Равилевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹³ С введением в действие с 1.01.2019 г. в Киргизии нового уголовного закона этот вид наказания был изъят из системы наказаний. См. подробнее: [Джалгасынова Г.Д., 2012].

В доктрине и сегодня разрабатываются теоретические концепции уголовных восстановительных наказаний [Дворянсков И.В., 2005]; [Фатхудинов А.И., 2003]; [Пападенко Е.В., Силкин В.П., 2019]. Не углубляясь в исследование этого вопроса, отметим, что на пути внедрения в уголовный закон компенсаторных мер именно в качестве уголовного наказания есть весьма существенное препятствие. Наказание, как уже отчасти было показано, это следствие вины, его объем, содержание, интенсивность определяются мерой виновности лица, совершившего преступление. Меры компенсаторного характера, чтобы быть собственно компенсацией, должны основываться на иных параметрах, а именно на объеме причиненного вреда.

Между тем объем вреда и вина — далеко не совпадающие, не равнозначные понятия, не всегда взаимосвязаны и взаимоопределяемы (достаточно вспомнить проблему определения степени вины в неосторожном преступлении, связанном с причинением масштабного вреда, а в противоположность этому — степень вины в не имеющем фактических последствий покушении на причинение вреда высшим конституционным ценностям). Компенсация, хотя и предполагает наличие вины нарушителя, но лишь в качестве общего условия применения меры; она в любом случае не предопределяется содержанием вины. Поэтому компенсаторные наказания не будут соответствовать общей системе наказаний и принципам их назначения, а потому, полагаем, идея компенсации причиненного вреда посредством уголовного права должна реализовываться посредством иных, нежели наказание, мер. Уголовные наказания не могут ни преследовать цели восстановления вреда, ни быть содержательно направленными на такое восстановление.

КС РФ также высказался на этот счет вполне определенно: «обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на него уголовной ответственности и наказания»; «такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству»; «вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего», «определение пределов уголовной ответственности и наказания... не может обуславливаться волеизъявлением потерпевшего»¹⁴.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой

В итоге можно резюмировать, что компенсаторные меры, вне сомнений ограничивая права и свободы лиц, в отношении которых они применяются, по основаниям и целям применения могут быть весьма отчетливо отграничены от уголовного наказания. Правовое регулирование отношений по поводу возмещения имущественного вреда (как имеющих частноправовой характер) должно обеспечиваться, главным образом, в рамках гражданского законодательства за счет присущего ему правового инструментария, направленного, в том числе на обеспечение надлежащего исполнения соответствующих обязательств.

4. Уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера

Одна из проблем современной науки, которая не может считаться в полной мере решенной, состоит в разграничении наказаний и иных мер уголовно-правового характера. УК РФ к числу таких мер прямо относит принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. Вытекающие из их непосредственного описания в уголовном законе принципиальные различия между ними в основаниях и целях применения не способствуют выработке общего понимания правовой природы мер уголовно-правового характера. Ввиду чего в теории есть множество несовпадающих позиций относительно понятия, признаков, оснований и объема мер уголовно-правового характера, анализ которых зачастую не ограничивается положениями раздела VI УК РФ, но включает в себя и иные нормативные положения кодекса (например, условное осуждение, замену наказания, освобождение от ответственности и др.).

Приступая к обсуждению вопроса о сущности мер уголовно-правового характера, полагаем, нужно строго следовать предписаниям закона о том, что такие меры могут применяться как в случае совершения преступлений, так и в случае совершения общественно опасных деяний, которые по формальным основаниям преступлениями не являются (например, совершают-

статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко».

ся лицами в состоянии невменяемости)¹⁵. Предпосылкой к их применению служит, таким образом, уголовно-релевантное общественно опасное деяние. Игнорирование специфических особенностей деяния, при наличии которого могут быть назначены меры уголовно-правового характера, оправдано, на наш взгляд, толкованием их социального предназначения и целей.

Последовательному и правильному решению обсуждаемого вопроса может служить развертывание тезиса С.И. Курганова о том, что любые предусмотренные уголовным законом меры могут применяться либо «за совершение» деяния, либо «к лицам, совершившим деяние» [Курганов С.И., 2008: 35]. Не все, что применяется к лицам, совершившим общественно опасные деяния на основании закона, следует, по нашему убеждению, признавать мерами уголовно-правового характера, но и не все меры, которые применяются за совершение преступлений, следует считать мерами уголовно-правового характера. Этимологически понятие «мера уголовно-правового характера» предполагает материальную основу — права и свободы человека, которые в строго определенном объеме ограничиваются. По этой причине не могут рассматриваться в качестве мер уголовно-правового характера: специфические процедурные формы реализации ответственности, например, условное осуждение или освобождение от наказания; санкции, которые применяются не на основании совершенного общественно опасного деяния, а на основании нарушения предписаний судебного акта, например, замена наказания более мягким или, напротив, более строгим видом наказания, отмена условного осуждения.

Только реальные правоограничительные меры, применение которых связано с совершенным общественно опасным деянием, могут претендовать на статус мер уголовно-правового характера. К ним следует относить меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, конфискацию имущества, судебный штраф, правоограничения, которые налагаются решением суда на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных от наказания. Формально в этом ряду может располагаться и уголовное наказание. Однако оно обладает качественной спецификой. Отличие кроется в том, что меры уголовно-правового характера, в отличие от наказания, применяются не только в связи с совершением преступления, но и в связи с совершением общественно опасного деяния, не являющегося преступлением. Они могут выступать в качестве мер, заменяющих наказание, либо в качестве мер, сопутствующих его применению. Основанием к этому служит иное целевое назначение мер уголовно-правового характера и отсутствие их

¹⁵ По этой причине выразим несогласие с позицией И.Э. Звечаровского, полагающего, что меры медицинского характера и меры воспитательного воздействия не следует признавать мерами уголовно-правового характера, поскольку ни не обладают уголовно-правовой природой и не влекут изменения уголовно-правового статуса личности.

связи с виной. Меры уголовно-правового характера применяются за совершение общественно опасного деяния, к лицам, совершившим общественно опасное деяние, но не на основании их вины в совершенном деянии.

Обращение к практике КС РФ позволяет подтвердить эти теоретические рассуждения. Так, обсуждая вопросы конституционности некоторых положений закона, регламентирующих применение мер медицинского характера, Суд указал, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу, по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом¹⁶. При этом тяжесть деяния, совершенного лицом в состоянии невменяемости, не может служить определяющим критерием, на основании которого устанавливается опасность такого лица для него самого или окружающих, наличие которой в то же время является основанием для назначения принудительных мер медицинского характера¹⁷.

Конфискация имущества, а также орудий и средств совершения преступления, согласно мнению КС РФ, имея целью удержание правонарушителя и других лиц от противозаконного использования принадлежащего им имущества, выступает юридическим последствием инкриминируемого лицу уголовно наказуемого деяния. Следовательно, конфискация представляет собой публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания. Как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему, а потому может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания.

Высказался КС РФ и о правоограничениях, применяемых в случае условного осуждения лица на испытательный срок. Испытательный срок, назначаемый при условном осуждении, не является видом наказания, а его определение судом не связано с санкцией соответствующей статьи Особенной

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».

части УК РФ¹⁸. Условным осуждением преследуется цель уменьшения уголовной репрессии до необходимого минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания¹⁹, а применение к условно осужденному правоограничений, прямо не предусмотренных этой нормой по усмотрению суда, направлено на индивидуализацию уголовной ответственности и достижение такой цели наказания, как исправление осужденного, соответственно, не может расцениваться как нарушающее права граждан²⁰.

Толкование приведенных правовых позиций КС РФ позволяет резюмировать, что все меры уголовно-правового характера: содержат ограничения прав и свобод лица, совершившего преступление или общественно опасное деяние; такие меры могут применяться судом на основании закона, исходя из фактических обстоятельств, с неременным гарантированием прав конституционных и процессуальных лица; эти меры не предопределяются содержанием вины субъекта правонарушения, они не выражают отрицательной оценки содеянного и личности, не выступают карой, а потому могут применяться и при отсутствии вины, и при условии отказа в установлении вины; применяемые вслед и по причине совершенного общественно опасного деяния, такие меры имеют подчеркнуто исправительный и превентивный характер, а потому решающее значение в их применении приобретают характеристики личности, отражающие присущие ей риски повторного причинения вреда (по причине заболевания, поведения или обладания определенными предметами). Все эти конституционно подтвержденные признаки, в конечном итоге, и отличают меры уголовно-правового характера от уголовного наказания.

5. Уголовное наказание и превентивные меры индивидуального характера, применяемые на посткриминальной стадии

Отдельный и весьма объемный вид правоограничений в отношении лиц, которые совершили преступление и были осуждены судом, предусматрива-

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1992-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каткова Андрея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 64 и частями первой и второй статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.12.2008 № 941-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1918-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Земскова Дмитрия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».

ется законодательством России, не относящимся к источникам уголовного права. Не имея возможности перечислить их все, укажем для примера административный надзор²¹, запрет на занятие педагогической деятельностью, установленный ст. 331 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ)²², запрет ранее судимым получать лицензию на приобретение оружия или занимать должности, связанные с учетом, хранением или использованием оружия²³ и др.

Такие ограничения не предусмотрены непосредственно в УК РФ, но их связь с совершенным преступлением актуализирует постановку и рассмотрение вопроса об отличии от наказания, о том, не выступают ли они в качестве «постнаказания», дополнительной мерой карательного воздействия, автоматически применяемой к любому лицу, совершившему то или иное преступление.

Принципиальные позиции на этот счет сформулированы в практике КС РФ²⁴. Во-первых, Суд признал, что такие ограничения непосредственно свя-

²¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

²² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

²³ Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оружии» // СЗ РФ. 1996 № 51. Ст. 5681.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы»; Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, 5, 6, 10, 12 и 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», части первой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 261⁸ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 139 и пунктом «а» части третьей статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2015 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Л. Алборова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации

заны с рисками для конституционно значимых ценностей, которые происходят от лица, совершившего преступление, поскольку на современном этапе невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление.

Во-вторых, поскольку такие риски связаны с личностью, для установления правоограничений не имеет принципиального значения, было ли лицо осуждено за преступление или нет; прекращение уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям (поскольку им не отрицается, но напротив, подтверждается факт совершения преступления, пусть и без установления вины) само по себе не исключает потенциальной опасности лица, в отношении которого уголовное преследование не было доведено до вынесения судом приговора.

В-третьих, такие правоограничения не являются уголовным наказанием, не выступают частью уголовной ответственности как элемента уголовно-правовых отношений между лицом, совершившим преступление, и государством, не регламентируются уголовно-правовыми нормами, но могут быть связаны с общеправовыми последствиями судимости или привлечения лица к ответственности. Они относятся к мерам предупреждения преступлений и других правонарушений, оказания на лицо индивидуального профилактического воздействия, и в ряде случаев могут применяться к лицу без специального указания в приговоре в качестве установленного на определенный срок правоограничения.

В-четвертых, такие правоограничения по общему правилу не должны иметь бессрочного и недифференцированного характера, не должны применяться без учета вида и степени тяжести совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, обстоятельств, характеризующих личность (в том числе поведение лица после совершения преступления), а также иных факторов, позволяющих оценить риски наступления неблагоприятных последствий.

Анализ показывает, что в отличие от наказания, рассматриваемые меры не связаны с виновностью лица и основаны на понимании того, что некоторые лица, совершившие преступление, в случае осуществления ими тех или иных видов деятельности и реализации тех или иных прав, могут создавать опасность для конституционно значимых ценностей. Эти представления о рисках, с одной стороны, могут быть слишком общими и должны быть связаны со спецификой совершенного преступления и устанавливаемым правоограничением. С другой стороны, они настолько явны и высоки, что не требуют проверки уровня их реальности в каждом конкретном случае,

в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы».

допуская правоограничения в качестве общей, а не индивидуализированной меры ограничения правового статуса лица.

6. Уголовное наказание и иные правовые последствия совершения преступления

Преступление как юридический факт порождает не только уголовно-правовые отношения и не только необходимость реализации уголовной ответственности в целях защиты публичных интересов и правопорядка. Совершение преступления изменяет, вплоть до прекращения, многие иные правовые отношения, участником которых было виновное лицо. В рамках этих «иных» отношений на лицо, совершившее преступление, также могут быть возложены определенные меры ответственности. Их наличие в правовой системе предопределено принципиальной допустимостью реализации нескольких видов ответственности в случае, когда совершенное лицом деяние содержит в себе правовые основания каждой из них.

Таковы, например:

меры материальной ответственности, которую несут работники предприятия за причиненный преступлением работодателю прямой действительный ущерб на основании ст. 242 ТК РФ;

лишение родительских прав, которое применяется на основании абз. 6 ч. 1 ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации²⁵ и является, как указал КС РФ, «крайней мерой ответственности, которая применяется судом только в случае виновного противоправного поведения родителей и только в ситуации, когда защитить права и интересы детей другим путем невозможно»²⁶;

признание сделки ничтожной и противной интересам государства и общества с последующим изъятием всего полученного по сделке в доход государства. Как указал КС РФ, сохранение в пользовании виновного лица денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения им преступления, потенциально способствовало бы такому общественно опасному и противоправному поведению, а потому противоречило бы достижению задач УК РФ²⁷; а предусмотренные ст. 167 ГК РФ последствия недействитель-

²⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

²⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2013 № 1834-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брусликова Бориса Васильевича на нарушение его конституционных прав положением статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации» и др.

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2855-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жукова Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Феде-

ных сделок не равнозначны штрафу как виду уголовного наказания. Соответственно, взыскание на основании взаимосвязанных положений ст. 167 и 169 ГК РФ в доход государства суммы, полученной в результате получения взятки, не является наказанием за совершенное преступление, а обусловлено недействительностью сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности, а потому не свидетельствует о нарушении принципа *non bis in idem*²⁸.

Заключение

Анализ некоторых признаков уголовного наказания в сравнении с признаками иных мер, принимаемых государством в качестве средства защиты от правонарушающего поведения, позволяет отчетливо выявить его конституционно значимые особенности. Он позволяет, в частности, убедиться в непреходящей справедливости вывода Н.С. Таганцева, который писал: «Только те меры, которые принимаются государством против лиц, учинивших преступные деяния, вследствие такого учинения, для охраны правопорядка и правоохраняемых интересов, могут быть отнесены к карательной деятельности государства» [Таганцев Н.С., 1902: 825].

Действительно, только наказание применяется в целях защиты публичных интересов в случае совершения преступлений. Однако оно обладает еще одним конституционно значимым признаком, который отсутствует у всех иных правоограничительных мер. Признак этот, трудно артикулируемый, содержательно связан с понятиями о виновности, моральном упреке и исправлении.

Полагаем, прав В.К. Дуюнов, когда пишет: «Сущность наказания состоит в его свойстве быть материализованным выражением (формой) реагирования государства на акт преступного поведения виновного, формой осуждения, порицания виновного и совершенного им преступления, формой, содержанием которой являются установленные законом правоограничения, возлагаемые по приговору суда на осужденного с целью оказать на него требуемое

рации и подпунктом «а» пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10. 2003 и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3301-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 31, частью первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации».

психологическое или иное предупредительное воздействие и тем вызвать положительные изменения в его личности, чтобы в дальнейшем это лицо не совершало преступлений» [Дуюнов В.К., 1997: 62–63]. Развивает эти идеи (хотя и несколько в ином аспекте) В.В. Мальцев, когда для совершенствования ст. 43 УК РФ определяет наказание в качестве меры государственного осуждения, основанной на тяжести совершенного виновным преступления и заключающейся в предусмотренных кодексом лишениях или ограничениях прав и свобод этого лица [Мальцев В.В., 2007: 90].

Логическая и содержательная связь понятий «уголовное наказание» и «осуждение» помогает лучше понять особенность наказания в ряду иных правоограничительных мер. При этом подход В.К. Дуюнова, предполагающий анализ наказания именно как формы осуждения, более точен, поскольку осуждение может приобретать формы и не связанные непосредственно с наказанием (в ситуациях, например, осуждения без назначения наказания или с заменой наказания иными мерами уголовно-правового характера). При таком взгляде на наказание можно заключить, что даже при совпадении в содержательной части (в части устанавливаемых правоограничений), форма применения, свойственная уголовному наказанию, не может быть повторена ни в одной другой правоограничительной мере, которые не могут выражать собой осуждения, отрицательной моральной и социально-политической оценки содеянного и личности деятеля. Равно как графит и алмаз — разновидности одного химического элемента — различаются формулой кристаллической решетки, наказание отличается от иных правоограничений формой своего выражения. Оно применяется исключительно на основании обвинительного приговора, предопределяется характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, соединено с осуждением виновного и специфическим образом направлено на его исправление, превенцию и защиту публичного правопорядка.

Назначение за преступление, моральный упрек и исправление — специфические признаки уголовного наказания, не свойственные никакой иной мере. Однако их забвение на фоне растущего морального релятивизма и слабых успехов в деле личностной коррекции преступников посредством правоограничений приводит к тому, что сегодня активно именуется «кризисом наказания». Суть кризиса, на наш взгляд, в том, что если рассматривать наказание исключительно как меру, минимизирующую криминогенные риски личности, исчезает потребность в детализированной концепции преступления как такового, а если лишить уголовное наказание задачи демонстрации морального упрека и исправления виновного, исчезает необходимость в разграничении уголовных и административно-деликтных предписаний. Следуя этим двум уже не гипотетически возможным, а вполне реальным направлениям, наука и практика имеют феномен превентивного уголовно-

го права и уголовного права «в широком смысле». Однако и тот, и другой в своем последовательном развитии фактически отрицают феномен самого уголовного права, каковым мы его представляем на основании данных истории. Проблема специфичности уголовного наказания, таким образом, оказывается непосредственно связанной с сохранением специфичности («самости») уголовного права. Если мы признаем необходимость и целесообразность уголовного права как такового (в его классической интерпретации), мы обязаны сохранить и развить отмеченные специфические признаки уголовного наказания — его способность служить моральным упреком и исправлять лиц, совершивших преступления.

Список источников

1. Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. М.: Проспект, 2012. 144 с.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Очерки криминальной рискологии. М.: Юрлитинформ, 2021. 368 с.
3. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание в свете принципа разделения властей и его реализации в Российской Федерации // Библиотека криминалиста. 2015. N 2. С. 57–72.
4. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективизации // Библиотека криминалиста. 2014. N 6. С. 32–52.
5. Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. СПб.: РГПУ, 2018. 400 с.
6. Дворянсков И.В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 96 с.
7. Джалгасынова Г.Д. Тройной айып как вид уголовного наказания: учеб. пособие. Бишкек: КРСУ, 2012. 74 с.
8. Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России — принуждение или кара? Государство и право. 1997. № 11. С. 61–68.
9. Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, системы, вины // Законность. 1999. № 3. С. 36–39.
10. Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М.: Проспект, 2008. 191 с.
11. Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 224 с.
12. Попаденко Е.В., Силкин В.П. От карательного подхода к восстановительному // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 205–210.
13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. II. Изд. 2-е. СПб.: Гос. тип., 1902. 823 с.
14. Уголовное право. Учебник. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. М.: Городец, 2011. 863 с.
15. Фатхудинов А.И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ: дис. ... к. ю. н. Казань, 2003. 185 с.

References

1. Antipov S.A. (2012) *Constitutional basic of general part of criminal law*. Moscow: Prospekt, 144 p. (in Russ.)
2. Babaev M.M., Pudovochkin Yu. E. (2021) *Essays in criminal risks*. Moscow: Yurлитinform, 368 p. (in Russ.)
3. Duyunov V.K. (1997) Punishment in Russian criminal law: constraint or penalty? *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, no. 11, pp. 61–68 (in Russ.)
4. Dvoryanskov I.V. (2005) Efficiency of alternate punishment (compensation model'). Moscow: Yuniti-Dana, 96 p. (in Russ.)
5. Dzhalgasynova G.D. (2012) Triple *aiyp* as a criminal penalty. Bishkek: University Press, 74 p. (in Russ.)
6. Fatkhudinov A.I. (2003) Aims of punishment and regulating mechanism of its destination. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Kazan', 185 p. (in Russ.)
7. Gurin D.V. (2015) The right of a state for criminal punishment and division of powers. *Biblioteka kriminalista*=Library of Criminalist, no. 2, pp. 57–72 (in Russ.)
8. Gurin D.V. (2014) The right of state for criminal punishment: content and forms. *Biblioteka kriminalista*=Library of Criminalist, no. 6, pp. 32–52 (in Russ.)
9. Gurinskaya A.L. (2018) *Anglo-American model of preventing crimes: critical analysis*. Saint Petersburg: RGPU Press, 400 p. (in Russ.)
10. Kurganov S.I. (2008) Penalty: legal and criminological aspects. Moscow: Prospekt, 191 p. (in Russ.)
11. Mal'tsev V.V. (2007) *Punishment and its setting in criminal law*. Volgograd: MVD Rossii, 224 p. (in Russ.)
12. Popadenko E.V., Silkin V.P. (2019) From punishment approach to rehabilitation. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*=Herald of Nizhny Novgorod Academy of Interior, no. 4, pp. 205–210 (in Russ.)
13. Tagantsev N.S. (1902) *Russian criminal law. Lectures*. Saint Petersburg: University, 823 p. (in Russ.)
14. Zhalinskyi A.E. et al. (2011) *Criminal law*. Moscow: Gorodets, 863 p. (in Russ.)
15. Zvecharovskii I.E. (1999) Criminal law measures. *Zakonnost'*=Legality, no. 3, pp. 36–39 (in Russ.)

Информация об авторе:

О.С. Гузеева — судья, кандидат юридических наук.

Information about the author:

O.S. Guzeeva — Judge, Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 28.02.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 17.01.2022.

The article was submitted to the editorial office 28.02.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 17.01.2022.